

Открытие первой вальдорфской школы

Выступления Эмиля Мольта
и Рудольфа Штайнера, 7 сентября 1919 г.

Из GA 298

«Рудольф Штайнер в вальдорфской школе.
Лекции и обращения к детям, родителям и учителям
вальдорфской школы в Штутгарте»

Переводчики: Алексей Жиров, Григорий Случ
Редактор: Кира Езерская

Б Д Н

Библиотека
духовной
науки

2019–2022

bdn-steiner.ru

Выступление директора фабрики «Вальдорф-Астория» Эмиля Мольта на открытии Свободной вальдорфской школы

Штутгарт, 7 сентября 1919 г.

Глубокоуважаемые присутствующие! Дорогие дети! От имени моей компании «Вальдорф-Астория» я всем сердцем приветствую участников этой простой, скромной церемонии открытия нашей Вальдорфской школы. Я хочу особо поприветствовать наших уважаемых гостей и поблагодарить за появление здесь и за проявленный тем самым интерес к нашему начинанию.

Мои глубокоуважаемые присутствующие! Основание Вальдорфской школы проистекает не из простой причуды отдельного человека; мысль об этом родилась из понимания потребностей нашего, сегодняшнего, времени. Это действительно представлялось мне необходимою — вызвать к жизни первую так называемую единую школу, и тем самым удовлетворить реально существующую социальную потребность, чтобы впредь не только сын и дочь состоятельных

родителей, но и дети простых рабочих имели возможность получать такое образование, которое необходимо сегодня для восхождения к более высокой культуре. В этом смысле я испытываю глубокое удовлетворение, что стало возможным вызвать к жизни это учреждение. Однако сегодня недостаточно просто создать учреждение, — необходимо наполнить его новым духом. И что такой дух наполнит это учреждение, — в этом нам даёт ручательство антропософски ориентированная духовная наука, и я чувствую себя глубоко обязанным выразить искреннюю благодарность тому, кто нас с ней познакомил, — нашему уважаемому господину д-ру Рудольфу Штайнеру. Но я также благодарю все инстанции, позволившие нам вступить с этим учреждением в жизнь, чтобы мы сегодня находились в том счастливом положении, когда можем претворить наши мысли в дело.

И теперь я особенно обращаюсь к вам, дорогие вальдорфцы. Давайте чётко осознаем: в связи с тем, что мы имеем возможность вызвать к жизни нечто подобное, на нас одновременно возлагается высокая обязанность. Давайте же ясно осознавать это, давайте в этот день торжественно пообещаем быть достойными того факта, что в немецком государстве мы имеем возможность первыми воплотить в жизнь здесь, в нашем Штутгарте, мысли о единой школе, о которой так много говорилось. Мы хотим показать миру, что мы не просто идеалисты, но люди действия, и что наши дети, укрепленные благодаря этой школе, в будущем смогут лучше и достойнее справляться с повседневной жизнью.

В этом смысле мы отправляем вас, дорогие дети, в нашу Вальдорфскую школу, чтобы вы приобрели в ней силы, которые позволят вам, когда вы покинете это место, как целостным людям оказаться достаточно возросшими для трудностей ожидающей вас жизни. Но в школе вас, дети, ожидают также и радости. Мне, которому посчастливилось принимать участие в курсе для учителей, проводимом господином д-ром Штайнером, стало отчетливо ясно, как много было упущено в юные годы и как тяжело в более позднем возрасте наверстать упущенное ранее. И для меня это действительно потребность сердца — сказать, что, поскольку в прежние времена не было возможности вкусить этого благословения, нужно как минимум быть благодарным судьбе за возможность дать сегодня это благословение другим. И поэтому я могу сказать: дети, вас, входящих в эту новую школу, ожидает радость! И те, кому посчастливилось пройти курс, который господин д-р Штайнер провёл с новыми учителями, знают, что с новым методом преподавания учёба больше не будет мучением, как это было прежде, но она станет для вас радостью и удовольствием. Поэтому радуйтесь, дети, что вы можете наслаждаться этой школой! Но покажите себя — хотя сегодня вы ещё не можете понять зна-

чения этого во всей полноте, — покажите себя, выйдя из этого учебного заведения, выросшими для жизни и её требований, покажите миру великолепные плоды этого нового метода обучения, который стремится воспитать вас жизнеспособными, целеустремленными людьми. Вместе с тем мы понимаем, что то, что нам позволено здесь создать, — лишь малое начало. Тяжела ноша и велика ответственность, лежащие на тех, кто взял на себя эту задачу, и, возможно, велики будут испытания, которые со временем обрушатся на нас с разных сторон. Но одно мы можем сказать уже сегодня: воля в нас будет так сильна, мысли так крепки, а мужество так велико, что мы преодолеем трудности, которые, возможно, будут нам препятствовать, потому что мы знаем, к какой высокой цели стремимся, и потому что мы всегда помним о той ответственности, которую берём на себя.

И вы, уважаемые учителя, взявшиеся за эту работу, посвятившие себя духу, призванному одушевить эту школу, вы знаете, какая глубокая ответственность тем самым возложена на вас, и я обращаюсь с просьбой ко всем, кто будет участвовать в качестве учителя в работе Вальдорфской школы: осознавайте вместе со мной в полной мере чрезвычайную тяжесть ответственности и никогда не переставайте ощущать эту ответственность так же, как я её ощущаю в каждый момент времени. И теперь, мои глубокоуважаемые присутствующие, передавая это учреждение вальдорфцам, и тем самым также общественности, я желаю от всего сердца: пусть в нём снова царит тот дух, который Гёте, Шиллер, Гердер и, как их всех называют, великие духовные герои прошлых времён приблизили к нам, чтобы этот дух через школу будущего снова воплотился в германском отечестве. Если это произойдёт, то все мы, несущие ответственность, будем помнить о том, что являемся служителями этих духовных сил. Тогда наступит время, когда снова начнётся подъём нашего бедного отечества из глубокой душевной и материальной нужды, и мы сможем надеяться, что появится больше людей, способных снова повести наш народ к высотам и за пределы тех высот, на которых стояли наши духовные герои: Гёте, Шиллер и другие.

И ещё раз желая счастливого процветания нашему учреждению, я хочу торжественно пообещать от имени наших вальдорфцев, от имени нашей школы, от имени наших детей, что эта школа будет местом для процветания, источником для всего доброго, всего прекрасного и всего истинного.

Выступление Рудольфа Штайнера на открытии Свободной вальдорфской школы

Штутгарт, 7 сентября 1919 г.

Мои глубокоуважаемые присутствующие! Из слов господина Мольта вы можете заключить, исходя из какого духа выступил он с инициативой создания Вальдорфской школы. Из его слов вы могли узнать, что эта инициатива возникла не из какого-либо обыденного намерения, но исходя из призыва, который столь отчётливо звучит из хода развития человечества именно в наше время и который, однако, столь мало был услышан. В то время как из хода развития звучит многое, что может быть включено в формирование социального облика судьбы человечества, социального переустройства, в этом призыве заключено нечто такое, что нельзя не услышать: в первую очередь в нём заключён вопрос воспитания. И можно быть уверенным, что только тот правильно слышит призыв к социальному переустройству в сбивающем с толку хаосе требований современности, кто проследживает его действие вплоть до вопроса воспитания. Но если социальный призыв будет ус-

лышан таким образом, что со всеми возможными социальными стремлениями перед вопросом воспитания захотят отступить, — или захотят сформировать учреждения для воспитания и преподавания в духе тех или иных общественных законов, из обновления воспитания и преподавания не проистекающих, — то в обоих случаях непременно окажутся на ложном пути.

Для меня, мои глубокоуважаемые присутствующие, было священным долгом так воспринять заключённое в замысле нашего друга, господина Мольта, относительно основания Вальдорфской школы, чтобы эта школа могла сформироваться на основе того, что в наше время можно получить благодаря духовной науке. Эта школа действительно должна быть вложена в то, что требуется для развития человечества именно в наше время, а также в ближайшем будущем. Воистину: всё, что в конце концов вливается в сущность воспитания и преподавания из таких предпосылок, представляется трижды священным долгом.

Чем стало бы в итоге всё самопереживание, познание и деяние в человеческом сообществе, если бы всё это не могло объединиться в той священной обязанности, которую возлагает на себя именно учитель и воспитатель, в своей особой области социального выстраивая вместе со становящимся, растущим человеком, с юным человеком — совместное служение обществу, в самом высоком смысле этих слов! В конечном итоге всё, что мы можем знать о человеке и о мире, становится действительно плодотворным лишь там, где мы можем живым образом передать это людям, которые будут формировать социальный мир, когда сами мы уже не сможем принимать в этом физического участия.

Всё, что мы можем осуществить художественно, возвышается лишь тогда, когда мы можем дать этому влиться в величайшее искусство, — в то искусство, в котором нам дан не мёртвый художественный материал, как глина или краска, но передан живой человек, незавершённый человек, которого мы должны привести — художественно, образовательно — к известной степени совершенства.

И, наконец, разве это не высшая священная, религиозная обязанность — в воспитании заботиться о божественно-духовном, что в каждом вновь рождённом человеке по-новому проявляется и возвещает о себе? Не является ли такое служение воспитателя религиозным — в высшем смысле этого слова? Не должны ли мы все наши священные побуждения, отданные именно религиозному чувству, соединить в том алтарном служении, которое совершаем, когда пытаемся укрепить в становящемся ребёнке то человеческое божественно-духовное, что проявляется в нём как предрасположенность?

Возрастающая к жизни наука, возрастающее к жизни искусство, возрастающая к жизни религия — вот что такое, наконец, воспитание; вот что такое, наконец, преподавание.

Когда преподавание и воспитание воспринимают в подобном смысле, то не испытывают желания упражняться в легкомысленной критике того, что устанавливается здесь как принципы, как цели и как основные положения искусства воспитания. Только мне не кажется, что кто-то может правильным образом видеть то, что современная культура возлагает на искусство воспитания, искусство преподавания, — если не может видеть, сколь необходимо в наше время полное духовное обновление; если не может со всей ясностью осознать, что в совершаемое нами как учителями и воспитателями должно вливаться в будущем нечто совершенно отличное от того, что процветает сегодня в сфере так называемого «научного воспитания». Сегодня учитель, которому предстоит формировать человека, вводится в умонастроение и стиль мышления современной науки. Мне никогда не приходило в голову отзывать о современной науке в пренебрежительном тоне. Я всецело проникнут уважением перед теми успехами, которых в ходе развития человечества уже достигла современная наука с её научным образом мыслей, основанном на природопознании, и с её научным методом, — а также перед успехами, которых она ещё достигнет в будущем. Но именно поэтому мне кажется, что то, что проистекает из распространённого ныне научного образа мыслей, не сможет плодотворно влиться в искусство воспитания и преподавания, поскольку всё это величие распространённого научного образа мыслей основывается не на обращённости к человеку и

не на вглядывании в человеческое сердце, в человеческую натуру. Можно добиться великолепного технического прогресса с тем, что проистекает из ныне распространённого образа мыслей; можно также развить с этим социальное вольнодумство; но невозможно — как бы причудливо это сегодня для большинства ни звучало — с тем научным образом мыслей, который постепенно дошёл до того, чтобы счесть человеческое сердце насосом, а физическое тело человека механической фабрикой, — невозможно с чувствами и ощущениями, проистекающими из подобной науки, переживать себя так, чтобы сделаться способным к художественному воспитанию становящегося человека. Именно из того, что делает наше время столь сильным в овладении мёртвой техникой, невозможно развить живое искусство воспитания.

Здесь, мои глубокоуважаемые присутствующие, в развитие человечества должен войти новый дух, — тот самый дух, которого мы ищем через духовную науку. Дух, не позволяющий видеть в живом человеке носителя накачивающе-всасывающего инструмента, не позволяющий видеть некий механизм, постигаемый исключительно естественнонаучными методами. В мировоззрение человечества должно войти убеждение, что дух живёт во всём бытии природы, и что этот дух можно познать. И мы попытались в курсе, предназначавшемся для учителей и предшествовавшем нашему вальдорфскому начинанию, обосновать антропологию, обосновать науку воспитания, которая может стать искусством воспитания, — обосновать её таким учением о человеке, которое из омертвевшего снова пробуждает в человеке живое. Мёртвое — и это тайна нашей современной умирающей культуры — делает человека знающим, делает его понимающим, когда он воспринимает мёртвое как природную закономерность; но оно ослабляет его душу, из которой должно именно в воспитании исходить воодушевление. Оно ослабляет волю. Оно негармоничным образом включает человека в целостность социального бытия. Мы взыскуем науки, которая является не просто наукой, но которая сама есть жизнь и чувствование; и которая, вливаясь в человеческую душу как знание, развивает силу жить в ней как любовь, чтобы мочь излиться в деятельную волю, в согретое душевным теплом деяние; в деяние, которое устремляется в особенности к живому, пребывающему в становлении, человеку. Мы нуждаемся в новом научном образе мыслей. Мы нуждаемся в новом духе в первую очередь для искусства воспитания и искусства преподавания.

Мои глубокоуважаемые присутствующие! Кто размышляет сегодня о современном воспитании и его потребностях, не станет легкомысленно критиковать то, что уже предпринято с наилучшими намерениями, и предпринято исходя из самых разнообразных достойных импульсов современности и недавнего прошлого. Какие прекрасные импульсы лежат в основе стремления из хаоса и мертвенности городской жизни перенести обучение на землю, в сельские обители! Необходимо признать всю действующую в этом направлении добрую волю. Но, мои глубокоуважаемые присутствующие, когда в этих сельских обителях нет живого духа, который человека человеку делает понятным и который учит обходиться с человеком, пребывающим в становлении, когда в эти сельские обители и во всё то подобное, что основано сегодня, не вовлекают этот живой дух, то и в сельской местности остаётся мёртвым то, что мертво в городе.

Размышляют, как добиться такого состояния школы, чтобы авторитет учителя больше не действовал умерщвляюще. Но если в те школы, которые сформированы таким новым образом, не дать влиться поистине живому духу, делающему человека прежде всего человеком, то несмотря на всю социальность педагогики школьные и образовательные учреждения останутся чем-то мёртвым. Чем-то таким, что не сможет правильным образом вести современное поколение навстречу будущему.

Уверенность, что призыв, звучащий из самого хода развития человечества, требует в наше время нового духа и что мы должны в первую очередь внести этот дух в сущность воспитания — эта уверенность лежит в основе устремлений нашей Вальдорфской школы, которая должна стать образцом для подражания в указанном направлении. И были предприняты попытки услышать то, что бессознательно лежит как раз в требованиях тех лучших, кто в не-

давнем прошлом боролся за оздоровление и обновление искусства воспитания, искусства преподавания. Я должен вспомнить о положениях, исходящих, например, от плодотворного мыслителя Теодора Фогта, ученика Гербарта, а также от его последователя Райна, педагога из Йены, потому что их представления кажутся мне проистекающими из глубокого ощущения того, чего недостает существу нынешнего воспитания и преподавания. Фогт и Райн преискусствовали, но отчётливо не высказывали: необходимо познать — чтобы уметь правильно обучать и воспитывать, — как, собственно, развивается ребёнок в первые годы, от младенчества до примерно семи лет, когда пора идти в школу; как развивается он затем в период от начала школы и до времени, оказывающего столь мощное влияние на всё развитие становящегося человека, — времени, когда исполняется четырнадцать или пятнадцать. Проницательный педагог задастся здесь вопросом: можем ли мы также понять, какие силы действуют в человеческой натуре, которая почти каждый месяц и во всяком случае каждый год поворачивается к нам новым духовно-душевно-телесным обликом? Пока у нас нет настоящей исторической науки, — так говорят эти педагоги, — не можем мы и знать, как развивается отдельный человек. Ибо отдельный человек концентрирует в себе всё, что представляет собой человечество в ходе своего исторического становления.

Подобные мыслители чувствуют, что современная наука оказывается, в сущности, несостоятельной, когда должна сказать что-либо о великих законах, правящих посредством истории, и когда в настоящий момент надо охватить то, что вытекает для нас из этих великих, всеобъемлющих исторических законов развития человечества. Если бы захотели понять отдельного человека исходя из природы продуктов питания, которые он употребляет с момента первого вдоха и до смерти, такое стремление было бы глупостью в высшей степени; но в истории, в постижении всего развития человечества — именно так сегодня и поступают. По отношению к человеку следует знать, например, как вторгается в развитие такой физиологический процесс, как смена зубов. Следует знать, как под покровом тайны развивается телесное, — знать исходя из той совершенно новой физиологии, которой современная наука пока ещё не обладает. Но следует также знать и то, что сопровождает это превращение душевно. Следует знать метаморфозы человеческой природы. Тогда в связи с отдельным человеком по крайней мере не будут отрицать, даже если и бессильны это познать: метаморфозы, превращения проистекают из самой сути человеческого существа. В отношении исторического развития всего человечества подобное не признаётся. Одни и те же методы применяют и для античности, и для средневековья, и для Нового времени. При этом не допускают, что в историческом развитии человечества происходят большие скачки. Оглядываясь назад на историческое становление, мы находим последний подобный скачок в пятнадцатом столетии. Всё, что в Новое время стало в цивилизованном человечестве чувствованием, представлением, волеием, какими мы их знаем сегодня, приобрело столь внутренний характер начиная лишь с пятнадцатого столетия. Это цивилизованное человечество отличается от человечества времён десятого или восьмого столетий примерно так же, как двенадцатилетний ребёнок отличается от ребёнка, не достигшего семилетнего возраста. И то, что в пятнадцатом столетии совершилось как превращение, проистекало из глубин существа человечества, как проистекает из самой внутренней природы человека закономерная в его развитии смена зубов. И всё, в чём мы живём сегодня в двадцатом столетии, — стремление к индивидуализации, стремление к социальному переустройству, стремление к преобразованию личности — есть лишь следствие того, что внутренние силы истории выносили на поверхность начиная с упомянутого момента времени.

Мы лишь тогда сможем понять, каким образом человек хочет поставить себя в настоящем времени, когда поймём, какой оборот принимает развитие человечества. Тем, кто, подобно Фогту и Райну, много размышлял о педагогике и также много занимался практикой, известно о связи бессилия современного искусства воспитания с бессилием современных взглядов на историю. Как мало можно воспитывать человека с помощью естествознания, превращающего сердце в насос, так же мало можно воспитывать его с исторической наукой,

не проистекающей из живого духа человечества и не проникающей в суть метаморфоз, свершившихся в период от средневековья до Нового времени. Мы до сих пор находимся под влиянием того, что началось тогда.

Хотя в наше время и любят издеваться над пророчествованием, но всё же нужно сказать: в определённом смысле учитель должен быть пророком. Ведь он имеет дело с тем, что должно жить в следующем поколении, а не в современности.

Когда рассматривают подобные вещи с точки зрения подлинных, действительных исторических процессов, тогда, мои глубокоуважаемые присутствующие, воспринимают их, конечно, немного иначе, чем зачастую воспринимает современный наблюдатель, во многих отношениях совершенно внешним образом постигающий то, что в науке и искусстве воспитания должно стать жизнью. Сегодня дискутируют о вопросе: следует ли больше воспитывать человека в духе того, чего требует сама человеческая природа, заботиться о всеобщечеловеческом, о гуманистическом воспитании; или же следует дать человеку больше такого воспитания, которое подготовит его к будущей профессии, к условиям государственного устройства и тому подобному? Для того, кто хочет прозревать вещи в их глубине, подобные дискуссии являются поверхностной диалектикой. Почему? Кто прозревает будущее поколение, тот получает в связи с ним отчётливое чувство: люди — со всем тем, что они делают, что они думают и чувствуют, а также с тем, чего они жаждут для будущего как взрослые, — явились из лона истории. И то, что является сегодня профессиями, что является государственным устройством, в которое сегодня могут включить себя люди, — всё это исходит из самих этих людей! Это не приходит каким-то внешним образом! Совершенно невозможно спрашивать: должен ли человек воспитываться в большей степени относительно своей человеческой сущности или относительно внешней профессии. Ведь то и другое, будучи верно рассмотренным, в конечном итоге есть одно и то же!

Если сегодня мы сможем развить живое понимание того, чем являются в мире люди и профессии, то мы разовьём также и понимание того, что именно из материнского лона человечества вынесли в современность предшествующие поколения, ещё живущие и имеющие профессии сегодня.

Также если сегодня мы должны работать как учителя, как воспитатели, то отделение воспитания к человечности от воспитания к профессии нас удовлетворить не сможет. Тут в нас должно жить нечто, не видимое внешним образом — ни в профессии, ни в государственном устройстве, ни где бы то ни было во внешнем. Тут в нас должно жить то, что только лишь последующие поколения вынесут на внешний план жизни. Тут в нас должно жить пророчески действующее совместное взросление с грядущим развитием человечества. От этого совместного взросления зависят воспитательно-художественные чувствование, мышление и воление мира педагогики. Живая педагогика и дидактика сегодняшнего времени должны стремиться к тому, чтобы то, что возможно знать о становящемся человеке, могло влиться в мир учителя как жизненно-душевно-духовная кровь, которая, являясь не только лишь знанием, стремится стать искусством. И только из этой живой дидактики может исходить то, чему должно войти в детское сердце, в детскую душу, в детский разум.

Сегодня у меня нет возможности подробно излагать наши принципы воспитания. Я лишь хотел показать, как в живое, духовное понимание целостной сущности миро-человечества должно входить то, чему надлежит стать искусством воспитания и преподавания настоящего и будущего.

Мы много говорим сегодня о том, что должен приблизиться социально более развитый облик будущего человечества. Но почему всё, что мы хотим предпринять для достижения такого будущего, становится столь трудным? Это становится столь трудным потому, что именно на нашем этапе развития человечества социальным стремлениям противостоят анти-социальные стремления и инстинкты.

Оглядываясь на патриархальные времена, — времена, когда человечество жило более инстинктивно, чем в наш век цивилизации, — можно найти множество поводов гордиться дос-

тижениями современности. Но в прежние времена господствовали более социальные стремления. Нами же овладевают стремления антисоциальные. Однако в искусстве воспитания и преподавания эти антисоциальные стремления должны быть искоренены прежде всего. Кто способен наблюдать более точно, тот видит, как сущность воспитания и преподавания постепенно становится всё более антисоциальной. Но плодотворным может быть только такое искусство воспитания и преподавания, в котором учитель — с того момента, как он входит в класс, — воздействует на ребёнка исходя как бы из чувства единения. Душа ребёнка и душа учителя должны стать единым целым через подспудную таинственную связь, идущую от духа учителя к духу ребёнка. Это впечатлевает школе её социальность. Но для этого учитель должен быть способен по-настоящему внутренне перенестись в ребёнка.

Что мы зачастую делаем сегодня? Мы стараемся придать нашему мышлению такие формы, чтобы быть в состоянии нечто ребёнку объяснить. Может быть, мы говорим: смотри, вот куколка, из которой выйдет бабочка. Может быть, мы покажем ему бабочку и куколку, а также как одно развивается из другого. И, может быть, мы скажем потом: твоя бессмертная душа покоится в твоём теле, как бабочка в куколке. И как бабочка покидает куколку, так однажды твоя бессмертная душа покинет твоё тело, когда ты пройдёшь через врата смерти. — Приходится измысливать природный образ, чтобы этой картиной объяснить нечто ребёнку, сознавая, что используешь здесь лишь сравнение; что сам ты знаешь это всё по-другому. Прикладываются усилия, чтобы ребёнку нечто правильно преподнести. Но существует таинственный закон, согласно которому невозможно достичь в преподавании никакой достоверности, преподнося вещи подобным образом. Потому что по-настоящему передать ребёнку можно только то, во что сам веришь до глубины души. Только когда мы пробиваемся к ощущению, что в образе бабочки и куколки содержится сопоставление не просто внешнее, но так явленное нам божественно-духовным порядком, что мы столь же способны верить в истинность образа, сколь в него должен поверить ребенок, — только в этот момент нам удаётся донести до ребёнка живой дух. Мы должны уметь говорить, уметь действовать исходя из духа истины, и никогда не из того, что занимает сегодня столь большое место в развитии культуры, — из духа фразы. Мы бываем способны к этому только тогда, когда связаны, сокровенно связаны со всем человеческим; когда мы в силах — даже если уже достигли седых волос — раскрыться к тому, чем по своей сути является становящийся человек. Мы должны быть *внутренне*¹ способны понять становящегося человека. Можем ли мы это ещё? Нет, иначе бы мы не стали проводить опыты в лабораториях и заниматься экспериментальной психологией, чтобы установить, как работают человеческий рассудок и человеческая память. Учитель, который считает нужным пройти через эти внешние методы, чтобы познать человека, умерщвляет живую интуитивную связь, живое интуитивное отношение к человеку. Я знаю, в каком отношении ему полезны экспериментальная педагогика и экспериментальная психология. Я знаю, однако, что то, для чего они сегодня наиболее полезны, является лишь симптомом того, что мы утратили непосредственный душевный путь от человека к человеку и вновь ищем его посредством внешнего исследования в лаборатории. Мы стали чуждыми человеческому во внутреннем и поэтому ищем это человеческое на пути внешнего. Но если мы хотим стать настоящими воспитателями и учителями, то должны заново внутренне соединиться с человеческим. Мы должны развивать в себе целостного человека, и тогда этот целостный человек объединится с тем, что мы в искусстве воспитания художественно формируем в ребёнке. Когда мы как педагоги приобретаем что-то из эксперимента и из наблюдения, что сегодня очень часто используется в качестве основы науки воспитания, это равносильно стремлению из учения о питании и его приложения к человеку узнать, как человеку есть и пить. Нам не нужно знание о том, как есть и пить, мы нуждаемся в здоровом развитии вкуса, в здоровых органах, — тогда мы и сможем есть и пить правильно. Нам не нужна педагогика, построенная на экспериментальной психологии, — нам как педагогам нужно пробуждение

¹ Выделено переводчиком.

живой человеческой природы, которая вновь и вновь переживает в себе целостное существо ребёнка, когда вступает с ним в духовную связь.

Итак, мои глубокоуважаемые присутствующие, мы хотим построить нашу Вальдорфскую школу исходя из нового духа. И вы также заметите, чем эта школа быть не должна. В любом случае она не должна быть школой мировоззренческой. Тот, кто скажет здесь: антропософски ориентированная духовная наука основывает Вальдорфскую школу и теперь хочет внести в эту школу своё мировоззрение, — я произношу это сейчас, в день открытия, — тот скажет неправду. У нас нет задачи внушить становящемуся человеку наши «догмы», наши принципы, содержание нашего мировоззрения. Мы стремимся не к догматическому воспитанию. Мы стремимся к тому, чтобы приобретаемое посредством духовной науки стало живым делом воспитания. Мы стремимся к тому, чтобы иметь в нашей методике, в нашей дидактике душевное обхождение с человеком, проистекающее из живой духовной науки. Из мёртвой науки может исходить только знание; из живой духовной науки возникнет методика, возникнет дидактика, возникнет наглядность в духовно-душевном смысле. Чтобы мы могли учить, могли воспитывать исходя из того, к чему стремимся. В отношении всего этого мы глубоко осознаём ту ответственность, о которой говорил наш дорогой друг, господин Мольт. И мы будем честно соблюдать то, что обещали: что исповедующие различные религии сообщества, которым предстоит вести религиозное преподавание на основе своих взглядов, смогут внести в нашу школу свои мировоззренческие принципы. Мы хотим только посмотреть, случится ли такое, что насколько мало будем мы мешать вносимому в нашу школу в качестве мировоззрений, настолько же мало это помешает тому, что хотим внести мы сами в качестве искусства, — самым скромным образом и лишь в первом приближении. Ибо мы знаем: прежде чем человечество обретёт правильный взгляд на вопросы мировоззрений и их взаимных отношений, оно должно будет понять, что из духовного мировоззрения может возникнуть искусство воспитания в педагогическом, методическом, дидактическом смысле. Так что мировоззренческую школу мы основывать не будем. Посредством Вальдорфской школы мы будем стремиться создать школу художественно-воспитательную.

Вам, родителям детей, которые первыми отправляются в эту школу, следует сказать, что вы являетесь пионерами не только в отношении собственных человеческих начинаний, но и в отношении общекультурных требований нашего времени, и что вы лишь тогда сможете правильно воспринять то, что должно сейчас происходить в связи с Вальдорфской школой, когда почувствуете себя такими пионерами.

К детям я ещё не могу обратиться с такой же понятной речью, как к родителям, но мы хотим пообещать этим детям, что то, что родителям мы сообщаем на словах, к детям придёт через дела, которые действительно так поставят их в жизни, чтобы они могли удовлетворить серьёзным требованиям и будущих поколений. Эти требования будут серьёзными, и то, что мы сегодня, особенно в Центральной Европе, ощущаем как большую потребность, есть лишь начало того, что будет ощущаться как ещё бóльшая потребность. Но как из страданий и боли всегда возникало самое великое в человечестве, так и из этой большой потребности может возникнуть подлинное, построенное на действительности и воистину человеческое искусство воспитания и преподавания. Ища основу и источник сущности воспитания в целостном существе человека и пытаюсь выстраивать преподавание, пронизывая им всё это существо человека, мы стремимся включить социальный вопрос в воспитании в общесоциальный вопрос нашего времени.

Единая школа — об этом говорит наше время! Ни в какой другой школе, кроме как в единой, не выступит такое искусство воспитания и преподавания, которое, как было намечено, стремится черпать свои возможности и силы из целостного существа человека. Чтобы в будущем человеческий социум был способен жить достойно, сначала он должен научиться достойно воспитывать своих детей. Чтобы это стало возможным, мы хотим внести свою малую лепту через Вальдорфскую школу.

Пусть то, чего мы, даже имея самую добрую волю, быть может, достигнем лишь частично, не исчерпает своих сил одной нашей малой попыткой. Пусть оно найдёт последователей. Потому что мы знаем: слабая попытка может потерпеть неудачу из-за враждебности и непонимания; но то, что в этом устремлении заключено как зерно, должно найти последователей. Ибо если в сознание всего человечества, рождающего и учителей, и детей, которых надо воспитывать, войдёт настоящее социальное искусство воспитания и преподавания, то школа займёт своё благородное место во всей социальной жизни.

Пусть наше малое начинание сможет внести вклад в высокую цель Вальдорфской школы.